

Вячеслав Разбегаев:

«С ХОККЕЕМ Я ПРОЛЕТЕЛ»

Слава, вы пришли в проект, уже имея за плечами опыт «Звезд на льду». Что заставило вас дать согласие на это непростое предприятие? Физические нагрузки, постоянные тренировки не пугали?

Я согласился по банальнейшей причине — это работа, за которую платят деньги. А тренировки... И рад бы тренироваться постоянно, но возможности не было ни у меня, ни у партнерши. Свести нас с Анжеликой в одном и том же месте в одно время оказалось настоящей проблемой. В Америке у нее и дом, и работа, поэтому она часто бывала в отъезде. У меня тоже в это время были и спектакли, и съемки, причем с выездами в другие города... Для меня в первую очередь это представляло определенную сложность. Но все же выйти на лед еще раз — после трехлетнего отсутствия на площадке — показалось интересным. От первого «Ледникового» остались самые хорошие воспоминания — о проекте, людях, которые его организовывали, о тех, кто в нем участвовал. Многие были мне хорошо знакомы, так что я довольно просто в это дело вошел. И конечно, получил огромное удовольствие. **За три года растеряли навыки или удалось кое-что сохранить?** Конечно, растерял! Не только навыки — физическую форму тоже пришлось восстанавливать. Нужные группы мышц за это время атрофировались, их надо было приводить в порядок. В конце концов все пришло в норму, и я почувствовал и увидел в этом виде спорта собственный прогресс. На своем, естественно, уровне.

ЕСЛИ ОН И БЫЛ НЕУКЛЮЖ, ТО СОВСЕМ ЧУТЬ-ЧУТЬ И ЛИШЬ ПОДЧЕРКИВАЛ ЭТИМ ПРИРОДНУЮ ГРАЦИЮ АНЖЕЛИКИ КРЫЛОВОЙ. МОЖЕТ, КАК РАЗ ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ ИХ ПАРА СМОТРЕЛАСЬ НЕ ХУЖЕ (А ТО И ЛУЧШЕ!) МНОГИХ, КТО ПОЛУЧАЛ ВЫСОКИЕ БАЛЛЫ И ОДОБРЕНИЕ ПРИВЕРЕДЛИВОЙ ТЕЛЕАУДИТОРИИ. ТРОГАТЕЛЬНО. ТЕПЛО. ДУШЕВНО.

Все-таки я не спортсмен. Хотя жаль, конечно... Но для человека, который начал заниматься фигурным катанием после сорока, получилось неплохо — тем более по сравнению с первым «Ледниковым». Новые элементы, поддержки... Мне бы и в голову не пришло исполнять такое на первом проекте! Нужно же не просто сделать, а сделать хорошо. Партнершу не уронить. Бывали программы, где мы выполняли по пять-шесть поддержек, в том числе высоких, которыми и заканчивали программу. Ставили точку, так сказать.

А что было для вас сложнее всего?

Выходить на лед в первой или второй паре — в начале съемки или сразу после перерыва. Я люблю кататься по битому льду, свежий для

меня слишком скользкий. А для Анжелики наоборот. Я постоянно напоминал: «Поверь, ты прокатаешь по любому льду. А я, если растянусь, да еще с тобой, — будет совсем другой эффект!» — «Нет, ты сможешь!»

Несколько раз нам все же выпадало выступать первыми. Каких-то адских вещей не происходило, но чувствовал я себя не так уверенно. Вот это меня волновало больше всего, а не мандраж от того, что мы открываем программу дня. Качество льда, а точнее, его «некачество». Чем больше он был «убит», тем для меня было лучше.

А вообще волновались перед выходом на лед?

Волновались все. И не только из-за результата — думаю, все хотели откатать хорошо, чисто и выполнить то, что задумали. Это было важно в первую очередь для себя. Волновался ли я?.. Ха!

И при этом жалеете, что не пошли в спорт?

В каком-то смысле да. Я в детстве болел хоккеем, мечтал стоять в воротах. Мой кумир — Владислав Третьяк. В то время спортом занимались практически все. У нас было меньше развлечений — тех же самых дискотек. Мы все шли в армию, и это в том числе сказывалось на физических кондициях. Спортивная дисциплина в школе была нормой. А сейчас этому уделяется слишком мало внимания — все больше по пиву жизнь проходит. Надо вместо пива в ларьках спортивный инвентарь продавать — эспандеры, гантели и прочее. Вот тогда будет сильная Россия! На пиве Россию не построишь, что там говорить...

Я учился в интернате с отрядной системой. И спорт был одним из показателей того, как отряд себя чувствует. Дух соперничества ощущался не только в спорте — в дисциплине, в труде... Было много всего, что не давало нам думать о пиве. Я занимался легкой атлетикой — бегал, прыгал в длину. Позже, когда поступил в медучилище, даже занял первое место на чемпионате Москвы по прыжкам в длину среди медучилищ.

Солидно.

Солидно это только звучит. В медучилищах учатся в основном девушки, так что я соревновался с очень немногочисленными соперниками. Там, может, максимум человек сто со всей Москвы прыгало. И как-то так получилось, что я их обогнал. Не в каких-нибудь шиповках — в обычных кедах! Улетел далеко, почти на шесть метров.

За нашими потугами наблюдали тренеры — отсматривали перспективную молодежь. Ко мне подошел один из них и спросил: «Парень, хочешь у меня заниматься?» И дал бумажку, где было написано: «Алексей Петрович Переверзев (8 м 21 см). Тренер сборной СССР по прыжкам в длину» и телефон. Это все происходило в манеже братьев Знаменских в Сокольниках. Шел 1983 год. Сентябрь, по-моему. Нет, октябрь — сентябрь я провел на картошке. Кстати, это тоже тебя серьезно закаляет, дисциплинирует и улучшает физическую форму.

Я ходил на занятия, что-то даже стало получаться, но призвали в армию. Служить я отправился на Дальний Восток и почему-то не предупредил об этом своего наставника. Уже с Дальнего Востока написал родителям письмо: мол, позвоните Алексею Петровичу, скажите, что я не приду. «Какой же ты, сын... — не помню, кем меня назвали родители. — Если б ты предупредил Алексея Петровича, твоя армейская жизнь могла сложиться иначе. С Дальнего Востока он вытащить тебя уже не сможет, поэтому служи дальше». Вот я два года и оттарабанил в тундре.

Жалеете об упущенном шансе?

Сейчас — нет. Но я и тогда не особенно мучился. Так ведь можно и сожрать себя этими мучениями... Ну не пошло, и ладно. Тем более спортсмены — люди подневольные. Не только в смысле дисциплины — это я про травмы. Во всяком случае для легкой атлетики у меня были данные, что и говорить, но... Что случилось, то случилось.

А что же с хоккеем?

Хоккеем я всерьез не занимался, потому что так и не сумел правильно встать на коньки. Все коньки, с которыми я связывался (а их было тогда не так много, мечтой остались чешские Botas с тремя звездочками), к сожалению, не держали меня. Или я на них не держался. У нас в интернате была хоккейная команда, причем один из физруков приходился братом известному хоккеисту, который играл в «Крыльях Советов». И нам «по благу» доставалась использованная, уже битая хоккейная форма. Щитки, наколенники, налокотники... Это сейчас все переполнено — бери, покупай, катайся, играй. А тогда невозможно было достать даже за деньги! Я помню, мне пришлось здорово помучить маму, чтобы она помогла сделать вратарскую ловушку. Чего мы только не придумывали!

В воротах я играл на специальных вратарских коньках — они меня еще как-то держали. И играл, кстати, неплохо. Иногда, конечно, случались и травмы, но меня это не сильно расстраивало. Помню, однажды — когда уже работал на

Кадр из фильма
«Жесть»
(реж. Денис
Нейманд, 2006)

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Вячеслав Разбегаев родился 14 октября 1965 г. в Москве. В 1982—1983 гг. работал на предприятии «Салют». В 1983 г. был призван на срочную военную службу в Советскую Армию, служил в Дальневосточном военном округе. С 1986 по 1988 гг. работал на киностудии «Мосфильм». В 1988 г. поступил в Школу-студию МХАТ (курс И. М. Тарханова). Окончил учебу в 1992 г. и был принят в труппу Центрального академического театра Советской Армии, где служил по 2006 г. Сейчас сотрудничает с компанией «Независимый театральный проект» и «Арт-Партнер XXI», играет в спектаклях: «Ladies night», «Театр по правилам и без», «Территория любви». Снял более чем в 30 фильмах и сериалах: «Антикиллер», «Ночной продавец», «Личный номер», «Жесть», «Грозовые ворота», «Диверсант», «Охота на Вервольфа» и др. В телешоу «Звезды на льду» выступал в паре с Анной Семенович. После проекта участвовал в шоу «Ледовой симфонии» по городам России. Его партнершами в туре были Елена Бережная, Мария Петрова, Елена Леонова, Яна Хохлова, Виктория Волчкова и Елена Соколова. В 2009 г. принял участие в «Ледниковом периоде» в паре с Анжеликой Крыловой.

Кадр из фильма
«Байкер»
(реж. Илья
Хотиненко, 2010)

«Мосфильме» — защищал ворота киностудии, и мы играли со студией им. Горького. 7:5 они нас сделали. Я пропустил все семь шайб, но мог пропустить и больше — очень дырявая была защита.

И каково вам пришлось, когда учились стоять на фигурных коньках?

Все происходило постепенно. Однажды мы с Мишей Хлебородовым, тогда клипмейкером, а ныне кинорежиссером, поехали в Берлин. Миша снимал клип Диане Гурцкой, а я ему помогал. И зашли в какой-то большой спортивный магазин. Там был отдел по продаже роликовых коньков. Берешь их и катаешься прямо по этому отделу... В Москве как раз только начался роликотный бум. Я надел ролики, встал и — о чудо! — поехал. Да не просто поехал, а развернулся, поехал назад... До этого я вообще никаких коньков со времен «Мосфильма» не видел, а до «Мосфильма» — только в интернете... Тут-то я и понял: жизнь прошла зря. Видимо, вся штука в этих коньках — просто надо было найти свои...

В общем, неожиданно для себя узнал, что умею кататься на роликовых коньках. И как только приехал в Москву, сразу же их купил и за лето, убив несколько комплектов колес, извездил все лестницы на Поклонной горе. Ближе к зиме приобрел хоккейные коньки, чтоб уже совсем закрыть эту детскую тему. Стал ходить на ледовый каток в Олимпийском и катался вместе со всеми по кругу. В конце концов понял, что и на хоккейных коньках у меня тоже неплохо получается. И опять радостное разочарование: ну почему это не случилось тогда, когда я мечтал о хоккее?!

А лет восемь назад приобрел хоккейную форму. Как раз начался проект «Ladies night», где мы познакомились с Маратом Башаровым. Вместе стали посещать ночные хоккейные игры. У кого-то какие-то знакомые, им позвонишь: «Можно, я приду?» — «Да, приходи». — «А со мной еще дру?» — «Приходите...» И ходили мы довольно часто.

А потом начался первый проект. Собственно, Марат мне тогда и позвонил: «У Семенович партнер сломался. Меня спросили — кто? И я вспомнил тебя». Я говорю: «Ну, что ж, давай попробуем».

Это было дней за десять до начала проекта. Приехал на каток, в первый раз надел фигурные коньки, мы немного покатались с Аней, и буквально на следующий

день пришлось улететь во Францию — был запланирован отдых. Возвратился перед самым выступлением. А номер еще не готов! Вернулся на день раньше, мы с Аней денек потренировались и вышли на первое показательное выступление. **Значит, вы начали кататься после двух тренировок?**

Мало того, перед второй программой я сказал: «Это невозможно, я не могу кататься на таких коньках!» Посмотрели — оказалось, что мои коньки на три размера меньше, чем надо. На три! Поскольку я не знал, как должны себя чувствовать ноги, думал, что это нормально, когда все затянуто. А потом надел настоящие коньки и... Опа! Оказывается, все не так! Собственно, так я и попал на первый проект. **У вас было намерение выиграть? Все-таки спортивное соревнование...**

Были, наверное, но... Так как я человек трезвомыслящий, сразу понял, что воплотить их в реальность невозможно. Для этого надо было начать тренироваться хотя бы за месяц. И с Аней мы не могли найти стыковку, чтобы тренироваться чаще (у нее концерты, гастролы, у меня съемки), получалось урывками. Доходило до того, что номер ставился за один

день. Не за день даже, а за несколько часов, пять или шесть. И пара-то странная: Аня хоть и фигуристка, но бывшая, и сейчас занимается своим делом. Спортсмены как-то посвободнее, а у нас у обоих все расписано.

То же самое в последнем проекте: у Анжелики работа — и не здесь, а в Америке. Ей приходилось улетать несколько раз дней на пять-семь, тоже было сложно состыковаться. Так что тренировочный процесс у нас не складывался. Что смогли — то смогли... Тем более с сентября по январь у меня самого было три кинопроекта. И роли совсем не проходные: главный злодей, главная мужская и просто главный герой. Причем один из сериалов снимали в Питере. Помимо этого три спектакля, которые часто игрались на выезде. И еще нужно было снять шестьдесят выпусков передачи «Поступок»!

Ну, хоть начали-то заранее?

Те же самые грабли... Ко второму проекту я подключился за неделю до первого выступления. Кто-то месяца за два уже знал своего партнера, кто-то из третьего «Ледникового» просто плавно перетек в четвертый. А тут после трех лет отсутствия тебе говорят: «Через неделю ты по телевизору»... О каких амбициях может идти речь?!

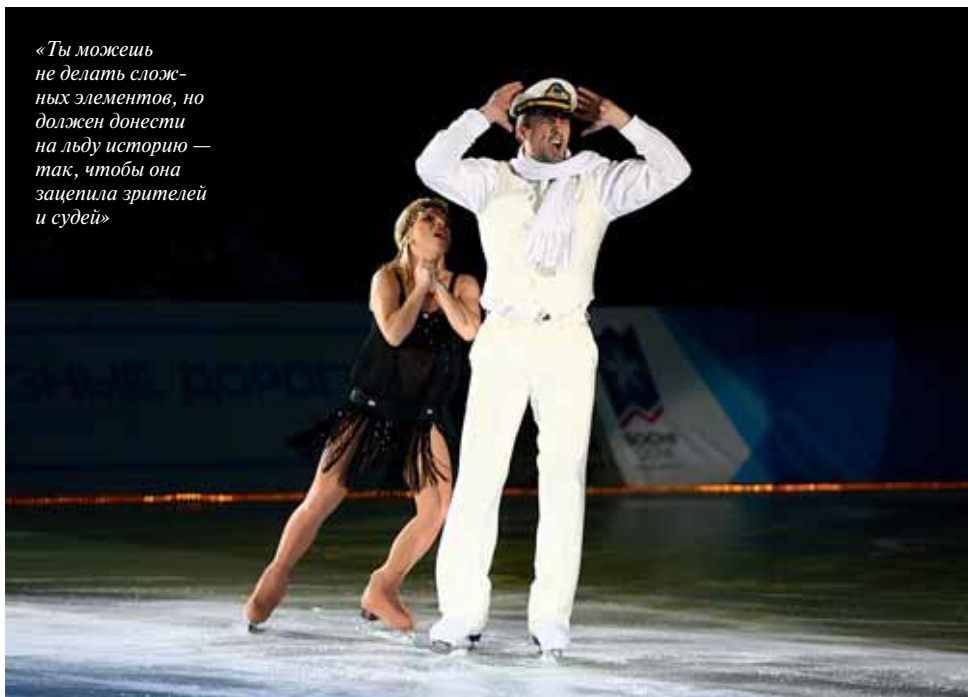
А зачем пошли?

Я же сказал: деньги! И на самом деле не очень хотел участвовать. Понимал: эти четыре месяца будут адом.

Но опять позвонил Марат и опять сказал: «Все будет хорошо! В этот раз никого не выгоняют, можно просто выйти на лед, упасть и лежать до самого конца. Получишь свои 0.0, 0.0. Давай!» И еще: «За проектом последуют туры. А в турах мы же после выступлений играем в хоккей». Это окончательно

«ПОСМОТРЕЛИ: МОИ КОНЬКИ НА ТРИ РАЗМЕРА МЕНЬШЕ, ЧЕМ НАДО»

«Ты можешь не делать сложных элементов, но должен донести на льду историю — так, чтобы она зацепила зрителей и судей»

«Аня, конечно, потрясающий человек. Мечта любого неумехи-фигуриста»

добило. Но, к сожалению, в туры я не поехал: у нас с Анжеликой не сходились графики. Так что с хоккеем пролетел.

Как складывались ваши взаимоотношения с партнершами? Ведь стать в пару на долгие четыре месяца — все равно что слетать в космос.

Мне, наверное, просто везет. У меня были потрясающие партнерши — и Аня, и Анжелика. Они очень разные, хотя обе амбициозные. Но если на первом проекте все без исключения впервые заходили в эту реку, то во второй раз я уже знал, на что иду. И остальные участники тоже в ней искупались. Анжелика единственная оставалась сухой, даже воду еще не попробовала. У нее было свое понимание, как существовать в проекте и что делать. Но и я имел свое видение — знал, что требуется от нас, как от пары. Это же не только фигурное катание как вид спорта — это в первую очередь шоу! Ты можешь не делать сложных элементов, но должен донести на льду историю — так, чтобы она зацепила зрителей и судей. И спортивная сторона дела хоть и немного, но все-таки отходила на второй план. А Анжелика делала упор как раз на спортивный процесс.

То есть думали схалтурить, но не вышло. Я правильно понимаю?

Мучила она меня, конечно, по полной! Говорю: «Слушай, дорогая, я не могу сделать эту поддержку по той простой причине, что не уверен в себе. Ты мать двоих детей — а если я тебя грохну об лед?» — «Все хорошо. Ты сможешь». — «Что значит — смогу? Я же о тебе думаю в первую очередь!» — «Зачем ты надеваешь эти наколенники? Они мешают». — «Когда я тебя подниму, то, если вдруг грохнусь, буду падать на свои колени. И я на них упаду. И я знаю, что на них упаду. Они защищены, поэтому я буду стараться максимально мягко уронить тебя на лед». У нас по этому поводу — что я смогу, а что нет — было очень много конфликтов. Гораздо больше, чем с Аней. Бывало, доходило до «уходи, ненавижу», хотя там употреблялись другие слова. Она: «Да я с тобой... Да никогда! Да чтобы еще раз!.. Да ты!..» Ушла. Вернулась. «Ладно, давай еще раз попробуем». Я: «Нет, ни за что! Я не хочу!» Ушел. Постоял. Подумал. Вернулся. «Может быть, вот так лучше получится?» И соответственно наоборот. Я — Анжелике: «Да я... Да чтоб с тобой!.. Да никогда!» И опять возвращаюсь и, как ни в чем не бывало: «Ну что, попробуем еще разок...»

С Аней было проще — тогда чудовищем был только я. Не понимаю, как она меня терпела. Фантастическая партнерша! Чтобы психанула и ушла со льда — такого не случалось ни разу. Я бесился, сходил с ума, кричал, визжал, а она держалась абсолютной спокойной. И я сдувался. Сразу же. В этом отношении Аня, конечно, потрясающий человек. Мечта любого неумехи-фигуриста. А Анжелика — деспот, и это тоже прекрасно. По сравнению с первым проектом прогресс, для меня во всяком случае, очевиден — и все благодаря Анжелике. Как мы с ней ни ругались, но дело делали. Если бы мы были свободными людьми и тренировались где-нибудь на острове, не отвлекаясь на основную работу..

Ругались бы много чаще!

Не знаю... Работай мы спокойно, все могло быть совсем иначе. А так приходилось форсировать весь тренировочный процесс, чтобы успеть хотя бы закрепить в целях безопасности самые сложные элементы танца. Были же на выступлениях несколько раз не очень хорошие сходы! Я сажаю ее на плечо, она должна отпустить руки и так сидеть. И вдруг начинает падать... Принимает какую-то немыслимую, совершенно другую позу, я ее подхватываю и кручу, как будто так и должно быть. Такого я бы не сделал на первом «Ледниковом», это точно! Анжелика меня сподвигла на то, на что я в здравом уме никогда бы не пошел. «Анжелика, это опасно. Я не хочу. Не могу. Не буду». — «Нет, ты сможешь. Ты сделаешь». И в конце концов прокапала мне голову! Большое ей за это спасибо!

Конечно, смотрелось это не всегда так легко и изящно, как мы хотели. На бумаге, где были записаны все элементы, которые мы исполняем, выглядело достаточно сильно. Особенно по количеству метров, которое проезжали по площадке. Я иногда брал листок и рисовал путь с обозначением элементов, чтобы

Кадр из фильма
«О, счастливец!»
(реж. Эдуард
Парри, 2009)

**«Я ГОВОРИЛ:
«АНЖЕЛИКА,
ЭТО ОПАСНО.
Я НЕ ХОЧУ. НЕ
МОГУ. НЕ БУДУ»**

«Бывали программы, где мы выполняли по пять-шесть поддержек, в том числе высоких, которыми и заканчивали прокат»

запомнить рисунок танца. Вроде бы два-три круга — небольшой номерок. И вдруг понимаешь, что листок превращается в какой-то клубок — на нем живого места нет! А во время проката кажется, что съездил туда-сюда, и все.

А что для вас вообще означает это понятие — партнер? Вы же, на-

верное, профессионал в этом деле? Ведь не только на ледовой, но и на съемочной площадке, и на сцене партнер — это главное. Умеете договариваться с людьми?

Это, наверное, самое важное. Если люди не слушают, не понимают друг друга и, что самое страшное, не хотят друг друга понять — ничего не выйдет. Здесь главное — то, ради чего это все делается. Какого результата мы хотим вместе добиться? Если знаешь ответ на этот вопрос, все встает на свои места. Допустим, в тех же самых конфликтах я понимал, почему возвращался и говорил: «Давай еще раз попробуем с этого места». И почему партнер вместо: «Ушел? Вот и вали отсюда!» — отвечает тебе: «Да, давай здесь кое-что поменяем, может, так будет лучше...» Самое важное — знать, к чему ты идешь. Если этого нет, конечно, проще разбежаться. И проблем не будет.

И еще один момент: очень важно не подвести партнера. Можно, конечно, забыть на все: да не, не буду я... Но как не думать о человеке, который хочет, у которого горят глаза, который этим болеет? Нехорошо. Неправильно. Так мы Россию не построим...

Лада Ермолинская